
Н. Т. ТОВМАСЯН

ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ Ю. ХАБЕРМАСА

Предметом исследования в статье является политическая публичная сфера, рассматриваемая через призму понимания феномена Юргеном Хабермасом. Объектом исследования выступают формы коммуникационных практик и дискурсов, существующие в политической публичной сфере. Автор раскрывает концептуальные основы и проясняет идейные истоки политической публичной сферы, при этом обращаясь к вопросам влияния общественного мнения на принятие политических решений. В статье рассмотрены механизмы урегулирования актуальных социальных вопросов и зависимость принятия политических решений от общества в целом и общественной морали в частности как совокупности укоренившихся социальных норм внутри конкретного общества. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена повсеместно растущей напряженностью во взаимоотношениях населения и властей. Исследования, связанные с пониманием проблематики кризиса публичной политики, помогут урегулировать многие актуальные вопросы внутри обществ до того, как им будет позволено перерасти в нечто более опасное и сложное.

Ключевые слова: публичная сфера, публичное пространство, публичная политика, Ю. Хабермас, теория коммуникативного действия, гражданское общество, общественное согласие, демократия.

The subject of research of the article concerns political public sphere that is considered through the prism of Jurgen Habermas's comprehension of the phenomenon. The object of research is the forms of communication practices and discourses existing in the political public sphere. The author of the article reveals the conceptual foundations and ideological origins of the political public sphere, and studies the problem of public opinion impact on political decision-making. The article deals with the mechanisms for resolving urgent social issues and with the dependence of the adopted political decisions on the society

in general and on public morality in particular, the latter being a set of entrenched social norms within a particular society. The urgency of the topic under consideration is determined by widespread tensions in the relations between population and authorities. The studies connected with comprehension of the crisis of public policy will allow resolving many pressing issues within societies before they grow into something more dangerous and complicated.

Key words: *public sphere, public space, public policy, Jurgen Habermas, theory of communicative action, civil society, public consent, democracy.*

Очень часто ученые и исследователи общества упоминают о публичной сфере в контексте идей о гражданском обществе, при этом отождествляя эти два понятия или включая их в смысловые сферы друг друга. В трудах Ю. Хабермаса уделяется особое внимание вопросам, отсылающим к политическому аспекту феномена публичной сферы. Он, в частности, описывал политическую публичную сферу (*einer politischen Öffentlichkeit*) как поле, в котором встречаются как минимум два таких процесса: «коммуникативное производство законной власти» [Хабермас 2016: 40] и «манипулятивное использование власти СМИ для создания массовой лояльности, спроса и уступчивости по отношению к системным императивам» [Там же: 40]. Очевидно, автор видел политическую публичную сферу через призму коммуникационного дискурса, который бы при своей институционализации сглаживал все возникающие острые углы между гражданами и государством и претворял в жизнь лучшие идеи философов и политологов о становлении идеального и гармоничного государства. Ю. Хабермас считал, что задача публичной политики должна сводиться к достижению общественного согласия путем равноправного диалога при полном «исключении обмана и иллюзии» [Хабермас 2011: 352]. Именно в процессе такого обмена информацией вырабатывается то, что принято называть общественным мнением.

О первом из перечисленных выше процессов, протекающих в политической публичной сфере, мы поговорим в рамках данной статьи, а рассмотрение вопросов, связанных со вторым процессом, оставим для более детального изучения в следующих наших работах.

Стоит заметить, что значение общественного диалога в публичной сфере для демократически устроенного государства известно уже давно. Аристотель говорил об этом, упоминая о двух видах связи, существующих в политическом общении: власти «господ и рабов» или власти, при которой «одни полны зависти – другие презрения». По мнению мыслителя, эти виды политического общения возникают, когда в основе политического диалога лежит нежелание достижения консенсуса между его участниками. И только в истинно демократическом государстве (которое в современном понимании максимально близко к понятию «полития» у Аристотеля) может быть достигнут диалог между его членами, выражающийся в подлинном умении повелевать и повиноваться [Аристотель 2015].

Сам же Ю. Хабермас в своей книге «Структурное изменение публичной сферы», говоря о важности установления общественного диалога, приходит к идее о том, что без «политической публичности», в которой воплощаются условия коммуникации, при которой происходит дискурсивное формирование мнений, и воли публики, то есть граждан, и вовсе невозможна идея делиберативной демократии [Хабермас 2016].

Склоняясь к такому же пониманию идейных истоков демократии, американский философ Джошуа Коэн говорит о том, что «идея совещательной демократии коренится в интуитивном идеале демократической ассоциации, сроки и условия которой обосновываются публичными аргументами равных граждан. При таком порядке граждане разделяют между собой обязательство, согласно которому проблема коллективного выбора должна решаться путем публичной дискуссии. Граждане признают легитимность своих базовых институтов, пока те образуют рамки для свободного публичного обсуждения» [Cohen 1989]. Можно сказать, что общественное мнение – это результат коллективного обсуждения, критики, аргументации, и оно приобретает кардинально отличные ценностные характеристики, нежели мнение отдельно взятого человека. Подобное осмысление демократии базируется на понимании важности гражданской активности индивидов, которая возможна только при использовании коммуникационных практик в качестве основной

модели для принятия общезначимых политических решений. Важно понимать и осознавать, что общественные проблемы, которые всегда сопровождаются противоречивыми представлениями об их решении, все же могут быть рационально разрешены, при этом с учетом общих интересов всех представленных сторон конфликта.

Это означает, что в коммуникации личности вырабатывают определенное понимание реальности, наделяют мир определенным смыслом и потом начинают жить в осмысленном бытии. При этом встает вопрос о принципах личностей и о ценностях, которыми субъекты руководствуются в своей деятельности. Эти принципы не только вырабатываются личностями самостоятельно, но и формируются в ходе дискуссионных практик, тем самым становясь рациональными основаниями общественной морали, а ценности устанавливают нравственные ориентиры общества. Когда выработаны общие принципы, они становятся нормативными основаниями социальных ролей: люди исполняют свои функции в институтах социальной системы, понимая смысл своей деятельности, следуя рациональным принципам поведения и ориентируясь на ценности. Естественно, это возможно только при условии, что дискурсивные практики уже оказывают достаточное влияние на общественное мнение, то есть мир вокруг индивида достаточно рационализован. Правда, стоит уточнить, что в этом контексте мы пока говорим только об идеальной теоретической модели Хабермаса.

Вместе с тем становится очевидным, что Ю. Хабермас усматривал предпосылки для взаимопонимания индивидов в самой их речи и ими были, по его мнению, притязания на значимость высказываний. То есть для того, чтобы изречение имело ценность не только в глазах индивида, его артикулирующего, но и для другого субъекта, он должен подтвердить притязания на истинность, или, иначе говоря, привести аргументы, обосновывающие эту позицию. В случае же, если не возникает никаких разногласий, артикулирующий и слушатель вырабатывают совместное понимание обстоятельств, которые надо согласованно преодолеть – то есть они условливаются о совершении совместных действий на основе общего плана; в этом и состоит принцип коммуникативного действия. Если же артикулирующий и слушатель не сходятся во мнe-

ниях, то далее они начинают аргументировать свои точки зрения, что и становится толчком для трансформации их понимания сути вопроса. Тем самым можно сказать, что коммуникативное действие и дискурс встроены в логику общественной жизни в аспекте того, что именно через них совершается социальная интеграция. Важно знать: при этом Ю. Хабермас уточняет, что решение общественно-политических проблем путем коммуникационных практик может относиться только к тем вопросам, которые имеют моральную основу, утверждая, однако, что ряд политических вопросов могут быть лишены данного контекста и вследствие этого вполне легитимно обходиться без общественных прений по их поводу. Тем не менее решения по этим вопросам все же должны быть по крайней мере созвучны с моральными нормами.

В пользу идеи о том, что политические вопросы, имеющие моральную основу, должны и могут быть решены рациональным путем, высказывались такие ученые, как Джон Ролз и Рональд Дворкин, Брюс Акерман, Пауль Лоренцен и Карл-Отто Апель. Упомянутые авторы истолковывали непредвзятое суждение как «моральную точку зрения», то есть как нечто, отвечающее всеобщим интересам. Их продолжительная дискуссия по поводу обоснования и формулировки принципов универсализации и морали позволила прояснить, что обобщение интересов может иметь достаточно высокие шансы на воплощение. Вместе с тем Юрген Хабермас и Карл-Отто Апель [Apel 1973] совместно сформулировали дискурсивно-этический подход [Habermas 1973], который рассматривает аргументацию как подходящий способ решения морально-практических вопросов. Ю. Хабермас пишет, что этика дискурса претендует не только на то, что из нормативного содержания необходимых прагматических предпосылок аргументации вообще можно вывести некий общий моральный принцип. Сам этот принцип относится скорее к дискурсивному выполнению нормативных претензий на значимость, так как он увязывает действительную силу норм с возможностью обоснованного согласия со стороны всех заинтересованных лиц, поскольку они принимают на себя роль участников аргументации [*Ibid.*]. Подобное понимание разрешения политических проблем, которые имеют моральную основу, нахо-

дится в прямой зависимости от выработки публичной практики аргументации. Ю. Хабермас в своем понимании морали склоняется к кантовскому подходу, согласно которому философию морали интересуют прежде всего максимы, то есть принципы, на базе которых человек действует. Однако Хабермас расходится с Кантом во взглядах на обоснование морали. Последний считает, что каждый самостоятельно открывает для себя первоисточник того, чем является человечество, через «самого себя и другого» как «самоцели», а Хабермас говорит о том, что мораль укоренена в правилах дискурса [Habermas 1991]. Если содержание нормы будет одобрено всеми, к кому она имеет отношение, то посредством дискурса будет выработан принцип совместной деятельности в рамках существующих социальных институтов. А далее все будут действовать в соответствии с данной нормой, поскольку это в их интересах, поэтому мы можем надеяться на моральный прогресс общества. Согласно такому толкованию, прояснение политических вопросов, затрагивающих мораль, зависит от формирования публичной практики аргументации.

В ходе таких дискурсов о фундаментальных принципах демократического правового государства, которые гарантируют вовлечение в политическую жизнь как можно большего количества заинтересованных граждан в качестве участников дискурсов, будут выработаны разумные нормы деятельности в рамках существующих социальных институтов и весь порядок в государстве получит одобрение граждан. Возникает вопрос о том, каким образом вся эта теоретическая система может стать действенной на практике.

Ю. Хабермас дает ответ на этот вопрос в своей книге «Структурное изменение публичной сферы». Он говорит, что ядро гражданского общества образуют ассоциации, которые институционализируют разрешающие проблемы дискурсы по вопросам всеобщего интереса в рамках организационно оформленной общественности (Хабермас 2016). То есть те представители общественности, которые могут донести мнения гражданского общества до политической элиты, являются самыми активными членами демократического правового государства. И вся система будет нормально функционировать в том случае, если, с одной стороны, эти пред-

ставители общественности останутся в роли свободных от экономического интереса и логики борьбы за власть интеллектуалов, способных дискутировать по принципиальным вопросам о целях и смыслах общественного развития и сохранять контакт с теми исходными гражданскими ассоциациями, из которых они вышли; с другой стороны, если они будут обладать таким высоким статусом в обществе, что к их мнению будут прислушиваться политики и управленцы, принимающие подходящие для всего общества решения. Возникает вопрос: как это обеспечить? Для этого следует более подробно описать коммуникационные потоки, циркулирующие в обществе и поддерживающие систему власти через обеспечение обратной связи власти с остальным обществом.

Ю. Хабермас раскрывает эту проблематику, опираясь на теоретическую модель, согласно которой политическая система структурирована по схеме «центр – периферия», где обе стороны имеют возможность поддерживать связь друг с другом через комплекс «шлюзов», а сама система непрерывно занята решением двух основных проблем – обеспечением легитимности решений ядра и проницаемости коммуникативных потоков между центром и периферией. Центр устроен полиархически, то есть включает в себя несколько комплексов власти: парламентскую, административную и судебную власть. Парламентарии открыты воздействиям со стороны гражданского общества благодаря деятельности многообразных самоуправляющихся общин, гражданских форумов или мероприятий, на которых ученые совместно с политиками проводят разнообразные обсуждения, а также групп лоббирования (весь этот комплекс институтов составляет внутреннюю периферию ядра). Однако все члены внутренней периферии парламентской ветви власти в меньшей степени способны решать общественные проблемы – на этом специализируется государственная администрация, выполняющая свои функции управления в масштабах всего общества согласно принципам построения рациональной бюрократии.

Внешняя же периферия для этого ядра делится на «получателей» и «поставщиков». Первые различными способами воплощают решения властей в жизнь. «Поставщики» же ставят общественные проблемы, выдвигают на обсуждение политические вопросы, вы-

ражают нужды и интересы и оказывают прямое или косвенное, открытое или закрытое влияние на решение властного центра (но пока еще не привлекаются напрямую в качестве экспертов во властные структуры – в этом и состоит отличие внешней периферии от внутренней). Большую роль во внешней периферии играют различные средства массовой коммуникации, которые формируют или изменяют мировоззрение широких слоев общественности. Однако именно неформальные коммуникативные каналы внутри общественности в силу их многочисленности и слабой организованности играют огромную роль в восприятии широкими кругами народных масс решений центра и в формировании определенной установки по отношению к этим решениям. То есть первая проблема, которую должна решать данная система, это обеспечение легитимности, или сознательного доверия остального общества по отношению к политической элите и потому готовности подчиняться решениям демократического государства.

Хотя в этой системе теоретически и требуется открытость к потребностям общества, тем не менее сама по себе она этого не гарантирует: элита может замкнуться в себе и действовать исходя из собственных способов понимания реальности и своих узких интересов, а далее манипулировать широкими слоями общественности, выдавая свой групповой интерес за всеобщий. Чтобы этого не произошло, требуются коммуникативные потоки противоположной направленности – от периферии к центру, и вопрос как раз и состоит в том, чтобы самоорганизующиеся коммуникативные потоки могли оказывать влияние на принятие решений. При этом могут возникать ситуации такого рода, что по-настоящему новое слово в решении проблем поступит именно из периферии. Сама институциональная модель правового государства не предопределяет, будут ли неформальные коммуникации спонтанными и инновационными, все зависит от либеральной культуры общества: понимание смысла есть дефицитный ресурс, который не может быть усилен административным регулированием или порожден экономическим стимулированием, вся эта система должна быть восприимчива к способности личностей к осмыслению сути проблем и создать

эффект резонанса для подобного рода инновативных мнений, а не их поглощения или заглушения.

Для ответа на актуальный вопрос о возможностях такого резонанса Ю. Хабермас рассматривает кризисные ситуации в жизни демократического правового государства, в которых происходит заметная политическая радикализация общественности и резко активизируются коммуникативные процессы. В них на передний план выдвигаются новые лидеры, которые приобретают авторитет благодаря своим взглядам – широкие слои людей высказывают одобрение их деятельности благодаря тому, что они ощущают созвучие своего частного опыта и того содержания, которое артикулируют новые лидеры массовых мнений. Они высказывают те мысли и произносят те слова, о которых думают, но редко решаются сами высказывать большое количество людей, и именно поэтому они присоединяются к лидерам общественного мнения и социальным движениям. Ю. Хабермас опять подчеркивает, что многое зависит от либеральной культуры общества, от наличия опыта публичных коммуникаций и разумных обсуждений проблем в жизненной практике широких слоев народных масс: только при этом условии события не пойдут по пути популистского индоктринирования народных масс, провоцирующего ослабление мыслительных способностей у каждого конкретного человека и отождествление своих личных взглядов с готовыми идеями, которые им преподносят популярные СМИ. Вместо этого новые социальные движения призваны вовлечь в обсуждение социальных проблем каждого гражданина, но так, чтобы он своим голосом выразил свободное одобрение мнения лидеров, а при необходимости мог подвергать их критике и оказывать бы тем самым свое влияние на изменение требований данного движения. Высшим выражением такого протеста против обособления политической элиты является гражданское неповиновение как совокупность актов «свободного от насилия символического нарушения правил». С одной стороны, эти протесты призывают чиновников и народных избранников дальше продолжить формально завершённые обсуждения и подвергнуть итоги последних ревизии под влиянием критики. С другой стороны, протестующие обращаются к чувству справедливости большинства

общества, то есть к критическому суждению граждан государства, которое мобилизуется необычными средствами. Эти протестные движения прорывают замкнутость политической системы по отношению к обществу и указывают на тесную укорененность правового государства в частной гражданской инициативе: граждане – не просто подданные, обязанные подчиняться решениям властей, но могут быть также и коллективными авторами таких решений. А правовое государство есть не застывшая система, но подверженное постоянным трансформациям предприятие, которое «направлено на то, чтобы в изменившихся обстоятельствах по-новому реализовать систему прав человека, то есть лучше их интерпретировать, более удачным образом институционализировать и более полно исчерпать их содержание в радикальном отношении.

Сама по себе детально разработанная теория правового государства, пусть даже способная опираться на философский базис коммуникативного обоснования разума, это самое социальное и правовое государство спасти не в состоянии. Речь вновь идет о моральной зрелости и моральной ответственности личностей, то есть о том, утратили ли люди контакт со своим сверхчувственным интеллигибельным измерением или нет, были ли они сведены целиком к материальному плану своего существования или в их самосознании еще остается место для альтруизма и солидарности. То есть будут ли они вообще вступать в дискурс ради достижения взаимопонимания друг с другом или предпочтут другие формы взаимопонимания и манипуляции друг другом.

Правда, стоит помнить, что ни одна из этих форм не может объявить себя основной и развиваться за счет искажения других форм – и хотя такое постоянно происходит в том мире, каким мы его знаем, через некоторое время наступает расплата в виде сначала социальных патологий, а затем уже и универсальных общественных кризисов. И в то же время нельзя считать, что все на свете относительно и преходяще, что носители разных форм разума никогда не поймут друг друга. Это приведет к кризису смысложизненных ориентаций, личностной и коллективной идентичности, который может быть пострашнее социальных неурядиц, ибо начнет разрушать сам разумный способ восприятия человеком бытия,

то есть будет угрожать разрушить человеческое в человеке. Поиск же гармонического равновесия между формами разума, причем не в статистике, а в динамике их воплощения в человеческой деятельности (причем искать придется каждый раз заново, ибо доступное нашему восприятию бытие постоянно изменяется и людям как разумным существам постоянно открываются все новые содержания разума во всех его формах), есть не только путь к надежному успеху в экономике или к созданию устроенного человеческого общества, в котором личность будет ощущать себя защищенной, но и способ развития человека как разумного существа – и на индивидуальном, и на коллективном уровне. А эта задача может решаться только в обстановке свободных дискуссий внутри гражданского общества.

Литература

- Аристотель. Политика. М. : Азбука, 2015.
- Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М. : Весь мир, 2011.
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М. : Весь мир, 2016.
- Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Frankfurt a/M. : Suhrkamp, 1973.
- Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy. Oxford : Blackwell, 1989.
- Habermas J. Legitimations problem im Spätkapitalismus. Frankfurt a/M. : Suhrkamp, 1973.
- Habermas J. Erläuterungen zur Diskursethik. Frankfurt-a/M. : Suhrkamp-Verlag, 1991.